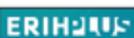

Данилова Н. К. Ритуальная одежда народа саха: *тангалай сон* (историческая память и семантика) / Н. К. Данилова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 362—378. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-362-378.

Danilova, N. K. (2020). Ritual Clothing of the Sakha People: *tangalai son* (Historical Memory and Semantics). *Nauchnyi dialog*, 11: 362-378. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-362-378. (In Russ.).

УДК 391.2(=1.512.157)“16”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-362-378

РИТУАЛЬНАЯ ОДЕЖДА НАРОДА САХА: *ТАНГАЛАЙ СОН* (ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СЕМАНТИКА)

© Данилова Наталия Ксенофонтовна (2020), orcid.org/0000-0002-3728-5738, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), dan_nataliksen@mail.ru.

В данной статье на основе широкого круга фольклорных, языковых и этнографических материалов рассматривается старинная ритуальная одежда народа саха *тангалай сон* в широкой исторической ретроспективе через призму «помнящей культуры» (по Я. Ассману). Впервые сделан подробный историографический обзор работ, посвященных ритуальной одежде *тангалай сон*. Основной целью данного исследования стала реконструкция архаичных элементов, связанных с исторической памятью о ритуале. Предлагается интерпретация семантики слова. Выполняется анализ семиотического кода этого предмета одежды. Установлено, что в данной ритуальной одежде посредством символического кода ярко выражены тотемистические воззрения, связанные с архаическим мировоззрением народа. Семантический анализ названия *тангалай сон* показал наличие у тюрко-монгольских народов аналогичных представлений, связанных с птичьим культом и восходящих своими истоками к древним тотемистическим и шаманским представлениям. Выявлен образ белой птицы / тотема, который нашел выражение в знаковом оформлении *тангалай сон*, и проанализирован «пушной код» как элемент ритуала символического перерождения невесты.

Ключевые слова: якуты, ритуальная одежда; тангалай сон; образы и символы; тотемизм; птичий культ; знаковая функция; семантика.

1. Тангалай сон: история изучения

Этническая культура самых северных тюрков, народа саха (якутов), своими истоками восходящая к пространству евразийских кочевников, всегда вызывала живой интерес и внимание исследователей этно- и культурогенеза народов Сибири. Несмотря на то, что предки якутов рано откололись от основного ядра тюркских народов, они сумели сохранить архетипическую пространственную память о Юге, которая сохранилась не только в духовной сфере, но и в материальной культуре, в частности в одежде.

На всем пути своего эволюционного развития одежда народа саха претерпела значительные изменения, но основные конструктивные элементы, связанные с всаднической культурой и южной прародиной, оставались неизменными. Так, например, А. П. Окладников отметил, что якутские кафтаны *сон*

и меховые шубы *сангыях* с боковыми и задними разрезами, шапки-чолпой с наушниками аналогичны длиннополым одеждам и башлыкам древнетюркских племен Сибири и Центральной Азии [Окладников, 1955, с. 250, 253].

Традиционные черты одежды степных племен сохранились и в женском старинном свадебном кафтане *тангалай сон*, который был реконструирован и воссоздан якутскими мастерицами в конце XX века по материалам археологических раскопок. Следует отметить, что *тангалай сон* к концу XVIII века исчезает из повсеместного распространения, на смену ему приходит более простая по технике шитья и декорирования, но не менее шикарная шуба *бууктаах сон* с характерным разрезом сзади и боковыми фалдами.

Первые сведения о женском ритуальном кафтане с меховыми короткими $\frac{3}{4}$ рукавами, с характерным для степных народов разрезом сзади или сбоку и сложным декором из бисера и металлических бляшек встречаются в трудах исследователей дореволюционного периода.

В середине XVIII — начале XIX веков начинается активное изучение Якутского края: путешественники, купцы, служилые люди собирали разного рода материал о языке и культуре якутов; были организованы и отправлены экспедиции для сбора материалов об уникальном тюркоязычном народе саха (якуты). Велико значение наследия политических ссыльных, заложивших основу якутоведения и внесших огромный вклад в его развитие и изучение.

Самые первые сведения об одежде якутов оставил голландский путешественник И. Идес, проезжавший через Сибирь в Китай в конце XVII века: «Они носят одежду, составленную из кусков меха различного цвета <...> одежда открыта с обоих боков и сделана вроде бы по немецкой моде» [Идес и др., 1967, с. 230].

Во время работы в составе Второй Камчатской экспедиции в 1730—1740 годах Я. И. Линденау впервые зафиксировал термин *тагалай* в значении ‘верхняя женская одежда с короткими рукавами’ [Линденау, 1983, с. 51]. Позднее И. Г. Георги в своем известном сочинении (1776) привел описание женской одежды и включил его изображение на гравюре, выполненной мастерами гравировальной палаты Академии наук, в иллюстративный материал книги. И. Георги пишет: «Когда наряжаются (женщины. — Н. Д.), то надевают душегрейку без рукавов, которая почти на пядень короче кафтана, сверху онаго. Душегрейка сия делается из замши, либо тонкаго краснаго или инаго какого сукна, окладывается как и мужское платье, по краям белым или крашенным конским волосом, или опускается хорошею мягкою рухлядью, по краям же так как и по всем швам разпещряется красивыми вычурами, корольками, так же красными и синими полосами» [Георги, 1799, с. 185].

Участник экспедиции на Северо-Восток Сибири, известной как экспедиция Биллингса-Сарычева (1786—1789), И. Биллингс оставил ценные записи об обычаях народов Сибири. Среди этих записей есть сведения и про

особый вид старинного платья из голубого (зеленого) сукна с короткими до локтя рукавами. По праздникам этот кафтан украшали бисером и металлическими подвесками, по подолу наряда шла меховая опушка шириной 35—40 см, такая же опушка шириной около 7—8 см шла по передним бортам и вдоль боковых швов [Биллингс, 1978, с. 43].

Сведения Н. С. Щукина о длинном женском старинном суконном кафтане *тангалай*, отороченном мехом бобра, тарбагана, котика и т. д., с короткими рукавами до локтей, украшенном корольками и серебряными бляшками, повторяют описания, сделанные В. Биллингсом [Щукин, 1854, с. 6]. Таким образом, в материалах Георги, Биллингса и Щукина зафиксированы пережившие временную трансформацию *тангалай сон*. Действительно, уже с середины XVII века в Якутию стали проникать различные мануфактурные материалы, поэтому ровдуга (замша) заменяется сукном и хлопком (даба), упрощается декор, но сохраняются основные элементы фасона: короткие рукава и разрез сбоку или сзади, меховая оторочка и короткие меховые рукава.

В 1851 году выходит работа известного ученого XIX столетия О. Н. Бетлингка о языке якутов, где он обратил свое внимание на слово *тангалай* и отметил его как название «старинной якутской женской одежды» [Бетлингк, 1990, с. 540].

Во второй половине XIX века продолжается интенсивное изучение Якутского края. Так, по инициативе Русского географического общества была снаряжена экспедиция Р. К. Маака в Вилюйский округ. В целом Р. К. Маак собрал большой и разнообразный материал по этнографии вилюйских якутов, свидетельствующий об их заметном отличии от основной группы центральных якутов. Так, он отметил, что вилюйские якуты носили «одежду, по покрою и по украшениям резко отличающуюся от нынешнего костюма» [Маак, 1886—1887, с. 65].

Особо ценным является то, что Р. К. Маак сделал описание фасона и рисунок с настоящего фамильного *тангалай сон* богатого якута. Следует отметить, что его рисунок *тангалай* аналогичен изображению на гравюре из книги И. Георги и соответствует описанию данного женского кафтана предшественниками. Интересно его замечание о том, что в древних захоронениях он часто встречал подобные одеяния — с металлическими украшениями и бисерами белого, черного и голубого цветов. Согласно приведенным им сведениям, в XIX веке *тангалай сон* уже вышел из комплекса свадебной одежды и представлял собой фамильный раритет [Там же, с. 62]. На это также указывает и другой исследователь якутской культуры В. Л. Серошевский в своем фундаментальном труде «Якуты» (1896)¹ [Серошевский, 1993, с. 321].

¹ В конце XIX века ритуальную свадебную одежду заменяет также доставшаяся в наследство от южных предков шуба сангьях, преимущественно сшитая из тарбаганьего меха [Серошевский, 1993, с. 321]. Данный вид старинной шубы по своей конструкции аналогичен меховым шубам западных бурят.

Огромный вклад в изучение и развитие якутоведения внес фундаментальный труд Э. К. Пекарского «Словарь якутского языка» (1927). Примечательно то, что в составлении словаря приняли участие многие известные исследователи-ученые, энтузиасты-краеведы и знатоки старины того времени (В. Л. Серошевский, В. М. Ионов и др.).

В словаре якутского языка Э. К. Пекарского приводятся названия разных видов старинной женской одежды *таналай сон*, комментируются значения слова *таналай*. Наличие разных как по художественному оформлению, так и по материалу кафтанов доказывает существование локальных вариантов «таналай сон» как вида одежды, а также проливает свет на его эволюционный путь и трансформацию [Пекарский, 1927, стлб. 2549—2550].

Труды дореволюционных исследователей были объединены одной концепцией о южном происхождении якутов. Так, с опорой на знания о тюрках Южной Сибири ими были выстроены енисейская и саянская теории происхождения якутов, а также концепция значительного влияния прибайкальских бурят на раннем этапе этно-и культурогенеза якутов. Так, были отмечены различного рода архаические элементы, апеллирующие к исторической памяти о Юге, которые, несмотря на совершенно другие климатические условия, были отражены в одежде (меховая шуба *сангыях*, боа *моойторук*, шапка *чопмой*, шапка с меховым султаном *еллюргэлээх бэргэнэ*, гривны *кылдьыы* и т. д.). В целом дореволюционные исследователи были едины во мнении, что старинная якутская одежда берет свои истоки на южной прародине, а её характерный разрез сзади (сбоку), сделанный для удобства верховой езды, восходит к традициям степных кочевников.

Труды дореволюционных исследователей, посвященные фольклору и этнографии народа саха, вызвали большой интерес у якутской интеллигенции и послужили стимулом к изучению истории и языка своего народа, его духовной и материальной культуры.

Советский период якутоведения начинается с трудов известных представителей якутской интеллигенции: писателей, ученых и краеведов-энтузиастов и др. Огромный пласт собранных ими у знатоков старины и хранителей «живой культуры» материалов по языку, фольклору, этнографии, археологии находится в Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН.

В 30—40-ые годы Институтом языка, литературы и истории были организованы экспедиции в отдаленные районы республики, в которых приняли участие А. А. Саввин, С. И. Боло, И. Д. Новгородов. Они собрали уникальный по своему значению и содержанию полевой материал по самым разным аспектам якутской культуры (археология, этнография, фольклор, верования, язык, народная медицина, метеорология). Сегодня эти материалы представляют собой ценный источник для изучения культуры и истории народа саха.

Участниками экспедиции зафиксированы ценнейшие сведения о конструкции и декоре старинного женского кафтана *тангалай сон* и его связей с религиозными обычаями дохристианского периода. Примечательно то, что этот материал был подтвержден и уникальными находками фрагментов *тангалай сон* в древних якутских погребениях.

Обнаруженные якутскими археологами Е. Д. Стреловым, И. В. Константиновым, Н. Д. Архиповым фрагменты древнейших видов старинной одежды в погребениях XVII—XVIII веков стали вещественными доказательствами в составе архивных материалов и сведений, оставленных дореволюционными исследованиями. Так, археологами были обнаружены прототипы ровдужных кафтанов *тангалай сон* с короткими рукавами, обильно декорированными корольками, бусинами, пластинами, бляшками и суконными вставками. Не подлежит сомнению заслуга и М. М. Носова как художника, «который одним из первых приоткрыл завесу над истоками национальной культуры и быта». О М. М. Носове писал известный якутский искусствовед И. А. Потапов [Потапов, 1979, с. 85]. Кроме того, М. М. Носов впервые изучил эволюционное развитие якутской одежды с древности до традиционного времени и изложил свою версию трансформационных механизмов, произошедших с одеждой народа саха, в том числе и с *тангалай сон* [Носов, 1957]. Отдельно можно отметить значимость иллюстрированных альбомов М. М. Носова (1988, 2010), которые и стали стартовой площадкой для возрождения старинной одежды и в целом культурного наследия народа саха. Именно по его реконструкциям якутскими мастерицами (Е. Аммосова, А. Скрыбина, Л. Кривошапкина, А. Зверева, С. Петрова, М. Гаврильева, Н. Андросова и др.) создавались и создаются старинные и традиционные типы костюмного комплекса.

Кропотливое изучение результатов археологических раскопок якутских погребений VII—XIX веков и широкого круга языковых, фольклорных, этнографических материалов позволило известным ученым А. П. Окладникову и А. И. Гоголеву открыть новый этап научного дискурса и заложить основу современного исследования истории и культуры народа саха [Окладников, 1955; Гоголев, 2018]. В их монографических исследованиях прорабатывается концепция южного происхождения народа саха, а одежда, в фасоне и декоре которой сохранились архаичные представления, связанные с исторической памятью о Юге и всаднической культуре, рассматривается как один из элементов культуры жизнеобеспечения.

В постсоветское время с использованием современных методов кросс-культурного исследования начинают появляться работы якутских этнографов, в которых рассматриваются не только история зарождения и формирования традиций в якутской одежде, но и семиотическая интерпретация основных элементов и их связей с традиционным мировоззрением. Монография

Р. С. Гаврильевой «Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII вв.» (1998) стала первым исследованием по историко-культурологическому изучению художественных традиций старинной одежды, где особое внимание уделяется *тангалай сон* и классификации его различных видов.

В дальнейшем одежда народа саха, в том числе *тангалай сон*, становится предметом научного исследования С. И. Петровой, к тому же обладающей искусным мастерством традиционного шитья и орнаментации и стоявшей у истоков возрождения декоративно-прикладного искусства народа саха [Петрова, 2006].

Большой вклад в изучение истоков и художественных традиций якутского шитья и орнаментального искусства внесли сами народные мастерицы: Е. Аммосова [Аммосова, 1989], А. Н. Зверева [Зверева, 2008], С. Петрова [Петрова и др., 2013] и др.

В последнее время появились статьи молодых этнографов, посвященные как генезису, так и изучению знаковых характеристик одежды народа саха, в частности *тангалай сон* [Данилова, 2013; Прокопьева и др., 2016 и др.].

Лингвистическое изучение терминологии якутской одежды и сопоставление с обозначением костюма родственных народов отражены в работах Л. М. Готовцевой [Готовцева, 2016], С. А. Иванова [Иванов, 2017].

Уникальные находки якутских археологов из ИГИИПМНС СО РАН и СВФУ подтверждают наличие различных вариаций старинной одежды «тангалай сон», а также открывают глубокие слои древнейшего наследия народа саха. Отдельно следует сказать об археологических материалах и их публикациях саха-французской экспедиции [Мир древних якутов ..., 2012].

Таким образом, в якутской историографии изучение старинной одежды народа саха с древности до современности занимает достойное место. С каждым новым этапом расширяются границы теоретико-методологического изучения традиционной одежды, и данная область обогащается новыми теоретическими и прикладными исследованиями. Несмотря на ряд исследований типологии традиционной одежды, до сих пор не осуществлено исследование, в котором было бы рассмотрено символическое оформление «тангалай сон» и его связь с архаическими представлениями народа саха.

2. Тотемистические воззрения и символическое значение «тангалай сон»

У древних народов существовали определенные тотемные животные и птицы, от которых зависели условия жизни и сам факт существования человека. И это обстоятельство не могло не выражаться в костюмном ансамбле древнего человека. Так, в декоре головных уборов, украшениях-талисманах, верхней одежде (шуба) отражены посредством символического кода тотемистические воззрения народа.

Комплекс костюма якутской невесты конца XVII — начала XVIII веков состоял из ровдужного платья, поверх которого надевали меховую безрукавку *кэдьинэ таналай*, родвужные трусы *сыалыйа* и ноговицы *сутуруо*. Свадебная безрукавка шилась из дорогих мехов соболя, бобра, богато украшалась бисером и металлическими бляшками. Несомненным атрибутом такой меховой безрукавки являются натазные украшения *өттүк симэгэ*. Они декорировались бисером, бусами, бляшками или кожаными нашивками и комплексом подвесок, состоящим из трубчатой игольницы (*иннэлик*), кошелька для небольших вещей (*хаппар*), трутницы с огнивицей (*кыалык*) и амулета оберега (*саһыл тумса*) [Гаврильева, 1998, с. 65].

Кээдьи (*кэдьинэ*, *кэдьик*) *таналай сон* начинали шить и декорировать задолго до сватовства, в течение длительного времени. Для этого в богатых семьях даже держали шитниц-мастериц. Жених не имел права увозить невесту в отчий дом, пока не будет приготовлен весь комплект приданого. В связи с этим у народа бытовали различные поговорки: *Аата, кээдьи тангалайы тикпиккэ ылы* / Как-будто шить безрукавку кээдьи тангалай (так говорят, когда человек очень долго тянет какое-нибудь дело); *Тангалай тигиитэ буолабай?* / Будто сшить безрукавку *тангалай* (если речь идет о каком-нибудь трудно выполнимом деле).

Исследователи по-разному трактуют значение названия *тангалай сон*. Если обратиться к семантике языковой единицы, то символический универсум слов *тангалай* / *тангалайдаа* включает следующие значения: ‘нёбо животного, птицы’, ‘движение, путь, полет’. Так, Э. К. Пекарский приводит локальные названия кафтана *тангалай сон*, которые номинируют его разновидности, чуть отличающиеся как по фасону, так и по материалу, но при этом отмечается их основная особенность: укороченные рукава, разрезы для удобства верховой езды и наличие декора бусинами, металлическими пластинами и подвесками.

Ряд значений *тангалай сон* связаны с тотемическими представлениями: 1. *Тангалай, таҕалай* (тюрк.: *танлай, тандай*; бур.: *taṅalé, taṅalei, taṅalai*; монг.: *танлай*; тунг.: *taṅalai*) — ‘нёбо птиц или животных’; 2. *Тангалай ойуу* — ‘похожий на нёбо узор, т. н. «узор елочкой»’; 3. *Кус тангалайа* — ‘обороненное уткой на лету яйцо’; 4. *Тангалайдаа* — ‘оставлять’ (без присмотра и уехать. — Н. Д.), согласно сведениям В. Серошевского, данный термин отсылает к свадебной обрядности, когда невеста по пути к жилищу жениха должна была оставлять за каждую остановку по *тангалай сон*.

Вторая группа значений собственно свидетельствует о существовании разновидности кафтана: *Тангалай, таҕалай* — 1. Старинная почетная одежда, длинная вроде сарафанов, с разными вышивками и узорами; верхняя одежда из оленьей или лосиной кожи с короткими, не доходящими до локтей рукава-

ми; свадебная шуба, которая бросалась через каждые девять остановок (олох); длинная суконная или крашенная ровдуная шуба с широким пухом (опушкой). *Сиринэн өттүүр тангалай* ‘достигающая земли безрукавка’; *сарыы тангалай* ‘ровдужное платье’ [Пекарский, 1927, стлб. 2549—2550].

В дореволюционных исследованиях *тангалай сон* представлено как ‘старинное одеяние’. Исследователи едины во мнении, что этот уникальный по своему оформлению и декору кафтан является сугубо обрядовой одеждой и входит в состав свадебного костюма якутской невесты. Об этом со всей очевидностью свидетельствует широкий круг языковых, фольклорных, этнографических и археологических материалов.

Как отметил А. П. Окладников, происхождение *тангалай сон* никак не связано с культурой соседних коренных малочисленных народов Севера, поскольку у них нет подобного фасона и оформления верхней одежды [Окладников, 1959, с. 252]. Зато вид одежды, похожий на безрукавку, распространен у тюрко-монгольских народов. Так, исследователи (А. П. Окладников, Д. С. Дугаров, Р. С. Семенова и др.) зафиксировали безрукавки *дэгэлэй* у эхиритов, *морин уужа* у восточных бурят, *чегедек* у алтайцев, *чегедек* у монголов, *цэгдэк* у калмыков, *сигедек* у хакасов. Все эти виды безрукавок представляют собой верхнюю плечевую распашную одежду с отдельно выкроенными верхней и нижней половинами и с характерными для кочевых народов разрезами сзади или сбоку. Для якутского *тангалай сон* характерно наличие на линии пояса орнаментированных полосок, подчеркивающих горизонтальный шов и разделяющих кафтан на две половины, а также задние или боковые разрезы. Как отметил А. П. Окладников, этимологически слово *тангалай* (*тангалай*) сходно с древнетюркским *дагала*, означающим ‘верхнее платье, шитое золотом’ [Окладников, 1955, с. 251].

В отличие от якутского «тангалай» тюрко-монгольские безрукавки шьются из тканевого материала. Это свидетельствует о том, что предки якутов двинулись на север в довольно раннее этнографическое время, следовательно, ровдужный (меховой) тангалай сон может представлять собой древнейший тип наплечной одежды кочевников евразийской степей и лесов и напрямую быть связанным с древним тотемистически-промысловым культом и женским шаманством.

Рассмотрим более подробно семантические параллели тотемистических воззрений у тюрко-монгольских народов, так или иначе связанных с мифологическим значением безрукавок. Согласно мнению Д. С. Дугарова, этимология обозначения бурятских безрукавок *хубайси* происходит от древнетюркского *куба* ‘лебедь, лебяжья одежда’; *дэглээ / дэгэлэй* — от слова цапля (стерх? — Н. Д.) ‘водоплавающая перелетная птица’; а *уужи* — от древнетюркского *удж* ‘летать, парить, крылья’ [Дугаров, 1983, с. 108—112],

что является ярким подтверждением отражения в древней одежде птичьего культа и тотемных птиц. Следует отметить, что птицы в мифологической картине мира тюрко-монгольских народов выступают как демиурги, медиаторы между мирами, покровители людей, носители особого шаманского словесного текста. В мифоритуальном пространстве образы лебедя / стерха наделены аналогичными характеристиками, связанными как с небесными божествами, так и с женщинами-удаганками.

По своей структуре и ритуальному сценарию очень интересен древний обряд, когда охотник, нечаянно убивший стерха, одевал его в нарядную *тангалай сон*, вносил его через правое окно балагана и укладывал на стол. Считалось, что только тогда душа птицы смягчалась и прощала охотника. У ряда локальных групп якутов (намские, ургаларские, еспехские, эльгятские), чей тотем был связан с образом белой птицы, существовало поверье о том, что замужние женщины перед белыми птицами обязательно должны были предстать в тангалай сон и головном уборе.

Примечательно, что земной ипостасью богини деторождения *Айыысыт Хотун* у якутов считался стерх — белая птица. У северных якутов был распространен обычай: при трудных родах скоблили клюв стерха, разводили в воде и давали пить роженице, тем самым наделяли ее живительной силой божественной птицы [Слепцов, 2017, с. 105].

У многих тюрко-монгольских народов, чьим тотемом выступала белая птица — лебедь, существовали одинаковые по своему содержанию обрядовые действия, связанные с почитанием лебедя. Так, замужняя женщина не должна была показываться перед лебедями без головного убора и безрукавки, в противном случае птицы могли наказать ее и наделить ее недугом «кликушество». Далее, услышав лебединый клич, женщины обязательно надевали безрукавку, шапку и выбегали на улицу для приношения жертвы белой молочной пищей. У тувинцев рода «куу» (букв. лебедь) был обычай дарить убитого лебедя для сватания невесты [Дугаров, 1983, с. 105].

Аналогичные сказочные сюжеты о лебеди-прародительнице существовали у западных бурят и якутов. Согласно бурятским мифологическим текстам, парень по имени Хоридой похищает лебединое одеяние у девушки-оборотня, берет ее в жены и становится родоначальником племени хори [Там же, с. 104]. В якутском варианте боотур *Учугэй Ведюйээн* также похищает лебединые перья небесной девы и женится на ней, а их потомки затем становятся родоначальниками девяти улусов. Интересно то, что в обоих сюжетах лебедица бросает земного человека и улетает к себе в Верхний мир, но не прекращает покровительствовать своим потомкам как праматерь-тотем.

В локальные варианты старинного свадебного ритуала якутов входил следующий обряд, интересный в своем символическом оформлении: богатая и

именитая невеста во время свадебной поездки в дом жениха совершала «ритуальные остановки» — *олох*. Во время этих остановок невеста должна была преподнести в дар духу-хозяйке местности *Аан Алахчын хотун* (*Маган Манхалыын*) особое жертвоприношение. Для этого на заранее установленный навес из молодых березок или на ветвистое дерево невеста укладывала специально сшитый для этого обряда тангалай сон. Считалось, что лучшая невеста делает девять остановок [Кулаковский, 1979, с. 95; Серошевский, 1993, с. 539].

Похожий обряд подношения одежды духам земли был у западных бурят. Бурятская невеста вешала меховой набедренник *бэлэши* из волчьей шкуры или лапок на березу. Следует отметить, что у западных бурят набедренник *бэлэши* поверх меховой шубы носили женщины во время охоты в эпоху зегетэ-аба [Хангалов, 1958, с. 270]. Согласно архивным данным, у якутов в старину также существовал древний вид тангалая в форме юбки, сшитый из ровдуги и красиво окаймленный полосами черно-белого жеребьячьего меха [Саввин, 1940, л. 10].

Таким образом, данные свадебные обряды с подношением одежды духу — хозяйке земли имплицитно восходят к культуре умирающего и воскресающего зверя. Как отмечает В. Е. Васильев, существование образа матери-зверя в тотемистически-промысловом культе подсказывает, что в древности магические обряды промысловой охоты могли совершаться под руководством женщин-жриц (удаганок), исполнявших при этом роль матери-зверя. После смерти удаганок хоронили по всем канонам тотемистического культа на воздушных погребениях *арангасах*. При этом считалось, что души умерших шаманок превращались в белых птиц — стерхов или лебедей [Васильев, 1994, с. 48—49].

Согласно представлениям, невеста погружается во «временную смерть» перед отправлением свадебного поезда из дома родителей, когда совершается обряд одевания «*сюктэр кыыс танныыта*». Ее буквально завертывают меховой одеждой как саваном. Так, свадебная безрукавка *кэдынэ тангалай сон* и семантически, и практически выполняет функцию погребальной одежды (после смерти на женщину обязательно надевают *тангалай сон*).

Этимология слов *кээдык*, *кэдык*, *кэдынэ* восходит к древнетюркскому *кэйим*, *кэдим*, *кэдым*, *кедьюлук* — ‘одежда, одяние’; *кедют* — ‘одежда, преподносимая в качестве приданого или дара’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 293—295.]; *кежеге* (алт.) — ‘ритуальная занавеска невесты’ [Дьяконова, 2001, с. 122]. Следует отметить, что у древних алтайцев *кежеге* впоследствии становится погребальным атрибутом. В случае смерти супругов верхнюю половину занавески, которая закрывала изголовье постели, клали под мужчину, а нижнюю половину — под женщину [Древнетюркский словарь, 1969, с. 126]. Все эти термины связаны с идеей смерти и воскрешения и выражены через «пушной код». Кроме того, невеста должна была брать с собой несколько свя-

зок шкур пушных зверей (лисицы бурой, рыжей, с белой отметиной — «*кюн-нээх саһыл*»), белки, горноста́я, иногда рыси и соболя для подношения в дар духам-иччи двора, загона для скота, хлева, рогатого скота, коновязи (*сэргэ*), почетного столба (*Тойон багана*), матицы (*сегургэнэ*), очага (*аал уот иччитэ*) дома родителей мужа [Саввин, 1938, л. 15; Худяков, 1969, с. 171].

Таким образом, невеста оставляет в качестве подарка *тангалай сон* духу природы, земли в обмен на свое благополучие на новом месте. Кроме того, задабривает домашних духов-иччи аналогами *тангалай* — шкурками зверей, украшенными бисером, бусами и монетами. В этом случае следует обратить внимание на состав зверей связки. Связка шкурок из «пяти остромордых» (белка, соболь, заяц, лисица, горноста́й) являлась обязательным атрибутом ритуального одевания бурятских шаманов и служила оберегом и защитником шамана в путешествиях в мир духов [Михайлов, 1980, с. 154].

Отметим, что «пушной код» в символическом универсуме *тангалай сон* также имеет огромное значение. Во-первых, мех как креационное сырье связан с наделением невесты продуцирующей силой, выступает как плацента, внутри которой происходит символическое перерождение невесты, но также связывается и с «небесным бестиарием» — сакральными лесными жителями: волком и медведем.

3. Заключение

Охота, будучи основным видом деятельности, на определенном этапе исторического развития определяла и характер мировоззрения людей. Эти проявления прежде всего зафиксированы в тех представлениях, которые сложились вокруг основных объектов охоты — главных промысловых зверей и птиц. Главными объектами охоты были волк и медведь, являвшиеся одновременно центральными фигурами бестиария, в состав которого входили все остальные тотемные звери и птицы. Поэтому древний охотник, связывая себя с теми или другими тотемными животными, старался всячески подражать и угодать ему.

Следует отметить, что вместе с *тангалай сон* в старину надевали «шапку с рогами» *муостаах бэргэһэ*, о наличии которой есть много упоминаний как в сведениях, оставленных дореволюционными исследователями, так и в фольклорных материалах и в археологических находках.

Главным отличительным знаком *тангалай сон* является его богатое оформление. Название свадебной шубы *тангалай* схоже с названием узора *тангалай*. Узор *тангалай*, по мнению М. М. Носова, скопирован с выпуклых извилин на небной части ротовой полости рогатого скота [Носов, 1957, с. 110—112]. Но если рассмотреть символический универсум и ритуальное назначение *тангалай сон* и его связь с тотемизмом, то в этом случае узор

копирует скорее *тангалай* 'нёбо' тотемных животных или птиц — медведя, волка, стерха или лебедя, — так как основная семантическая нагрузка этого вида одежды связана с апотропеической функцией. Древний человек интуитивно осознавал свое место в мироздании, ощущал собственную малость перед величием Природы, поэтому оформление *тангалай сон* выступало в качестве своеобразного «прикрытия» от негативных сил последней. Интересно то, что у северных якутов сохранились предания, в которых сообщается, что в древности ботуры во время военных действий надевали «*кэй тириштин кэдьинэ танаһын*» (досл. одежду (доспехи) *кэдьинэ* из шкуры зверя *кей*) [Васильев, 2006, с. 17]. В этом случае богато расшитые бисерные полосы *тангалай* и медные подвески интерпретируются как противодемонические компоненты, а сам узор представляет собой широко раскрытую пасть медведя или волка, которая могла бы отпугнуть злые силы и негативную энергию. Следует также отметить, что бисер древний человек рассматривал скорее как амулет, нежели как предмет художественного оформления одежды, поскольку бисер, колокольчики, медные подвески почитались им как божественное существо, и он высоко ценился как могучий амулет, нашивание которого на одежду имело целью окружить тело человека великой армией могучих существ.

Охранительными свойствами обладают также и полосы меха и кожи, так как каждая из этих категорий украшений имеет религиозное значение, то есть связана с древним тотемистическим культом и представляет собой своеобразные доспехи, защищающие от темных сил. А невеста, как известно, находится как раз в таком уязвленном положении, когда она живет между двумя мирами и здесь происходит ее ритуальная «смерть и возрождение».

Таким образом, обрядовая одежда носила двоякую смысловую нагрузку: во-первых, являлась материальной оболочкой человека, медиативным знаком, связывающим его с сверхъестественными силами и окружающим миром; во-вторых — защитой человека и его души-кут от отрицательного влияния, от воздействия различных негативных сил «мира природы». Широкое использование *тангалай сон* в различных обрядовых ситуациях раскрывает высокий семиотический статус этого вида одежды. Семантический и лингво-культурологический анализ *тангалай сон* связывает его происхождение с древними архаическими верованиями, когда женщины-жрицы были во главе матриархального общества. В них транслируется отголосок того времени, когда женщины-жрицы считались живыми воплощениями высших небесных божеств. Вполне возможно, что *тангалай сон* был одеждой удаганки, а затем, по мере трансформации конструкции самой одежды, а также дальнейшей передачи знаковых функций, связанных с женщинами-жрицами, на общий образ женщины, безрукавка становится свадебной одеждой.

Источники

1. *Саввин А. А.* Культ духа-хозяйки земли Аан Алахчын хотун. 1938 г. / А. А. Саввин // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 61. Л. 1—27.
2. *Саввин А. А.* Этнографические заметки. 1940 г. / А. А. Саввин // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 39. Л. 1—48.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аммосова Е. Е.* Ремесла предков вчера и сегодня / Е. А. Аммосова. — Якутск : Книжное издательство, 1989. — 48 с.
2. *Бетлингс О. Б.* О языке якутов / О. Б. Бетлингс. — Новосибирск : Наука, 1990. — 646 с.
3. *Биллингс И.* О якутах : журнал, или поденник, флотского капитана / И. Биллингс // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785—1795 гг. — Магадан : Книжное издательство, 1978. — 176 с.
4. *Васильев В. Е.* Культ божеств айыы древнеарийского происхождения? / В. Е. Васильев // Этнос : традиции и современность : сборник научных трудов. — Якутск : Издательство ЯНЦ СО РАН, 1994. — С. 77—85.
5. *Васильев В. Е.* Саха төрүт итэҕэлэ былыргы сэхэннэргэ / В. Е. Васильев. — Дьокуускай : Бичик, 2006. — 96 с. (на якутском языке). ISBN 5-7696-2480-9.
6. *Васильев Ф. Ф.* Военное дело якутов / Ф. Ф. Васильев. — Якутск : Бичик, 1995. — 220 с.
7. *Идес И.* Заметки о русском посольстве в Китае (1692—1695 гг.) / И. Идес, А. Брамс. — Москва : Наука, 1967. — 404 с.
8. *Гаврильева Р. С.* Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII века / Р. С. Гаврильева. — Новосибирск : Наука, 1998. — 144 с.
9. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Г. Георги. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1799. — Ч. II. — 178 с.
10. *Гоголев А. И.* Происхождение народа саха и его традиционной культуры / А. И. Гоголев. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2018. — 256 с. ISBN 978-5-7513-2474-2.
11. *Готовцева Л. М.* Номинация названий одежды, головных уборов и их элементов в якутском языке / Л. М. Готовцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 6 (3). — С. 83—86.
12. *Данилова Н. К.* Одежда и украшения / Н. К. Данилова // Якуты. — Москва : Наука, 2013. — С. 212—235.
13. *Древнетюркский словарь.* — Ленинград : Наука, 1969. — 676 с.
14. *Дугаров Д. С.* Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов / Д. С. Дугаров // Советская этнография. — 1983. — № 5. — С. 104—113.
15. *Дьяконова В. П.* Алтайцы : (Материалы по этнографии телегитов Горного Алтая) / В. П. Дьяконова. — Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 2001. — 223 с. ISBN 5-92509-0005-7.
16. *Зверева А. Н.* Олонхо. Этно-Арт : народное и декоративно-прикладное искусство : каталог / А. Н. Зверева. — Якутск : СМУК-Master, 2008. — 101 с.
17. *Иванов С. А.* Лексические особенности говоров якутского языка / С. А. Иванов. — Новосибирск : Наука, 2017. — 390 с. ISBN 978-5-02-038692-1.
18. *Кулаковский А. Е.* Научные труды / А. Е. Кулаковский. — Якутск : Книжное издательство, 1979. — 483 с.
19. *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) : историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я. И. Линденау. — Магадан : Книжное издательство, 1983. — 176 с.

20. *Маак Р. К.* Вилюйский округ Якутской области. В 3 ч. / Р. К. Маак. — Санкт-Петербург : Типография и хромофотография А. Траншеля, 1886—1887. — 213 с.
21. *Мир древних якутов : опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под редакцией Э. Крюбеси и А. Н. Алексеева.* — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. — 226 с. ISBN 978-5-7513-1594-8.
22. *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.) / Т. М. Михайлов. — Новосибирск : Наука, 1980. — 320 с.
23. *Носов М. М.* Эволюционное развитие якутской одежды с конца XVII столетия до 1920-х годов / М. М. Носов // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. — Якутск : ЯКМ, 1957. — Выпуск 2. — С. 116—152.
24. *Окладников А. П.* История Якутии / А. П. Окладников. — Якутск : Якутгосиздат, 1955. — Т. 1. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. — 440 с.
25. *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка / Э. К. Пекарский. — Ленинград : Издательство АН СССР, 1927. — Выпуск 10. — 26 с.
26. *Петрова С. И.* Свадебный наряд якутов : традиции и реконструкция / С. И. Петрова. — Новосибирск : Наука, 2006. — 104 с. ISBN 5-02-031098-0.
27. *Петрова С. И.* Народный костюм якутов : историко-этнографическое и искусствоведческое исследование / С. И. Петрова, З. М. Заболоцкая. — Новосибирск : Наука, 2013. — 207 с. ISBN 978-5-02-019062-7.
28. *Потапов И. А.* Первые художники советской Якутии / И. А. Потапов. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1979. — 135 с.
29. *Прокопьева А. Н.* Украшения эпохи позднего средневековья Якутии (по материалам могильника Ат Дабан) / А. Н. Прокопьева, К. М. Яковлева // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Материалы VII Международной научной конференции. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2016. — С. 186—191.
30. *Серошевский В. Л.* Якуты : Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. — 2-е изд. — Москва : Ассоциация «Российская политическая энциклопедия», 1993. — 736 с.
31. *Слепцов П. А.* Научные труды. Публикации / П. А. Слепцов. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2017. — 332 с. ISBN 978-5-7513-2394-4.
32. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений : в 3 т. / М. Н. Хангалов. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1958. — Т. 1. — 551 с.
33. *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа / И. А. Худяков. — Ленинград : Наука, 1969. — 439 с.
34. *Щукин Н. С.* Якуты / Н. С. Щукин // Журнал Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Типография МВД, 1854. — Книга VII. — 47 с.

RITUAL CLOTHING OF THE SAKHA PEOPLE: *TANGALAI SON* (HISTORICAL MEMORY AND SEMANTICS)

© **Nataliya K. Danilova (2020)**, orcid.org/0000-0002-3728-5738, PhD in History, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS) (Yakutsk, Russia), dan_nataliksen@mail.ru.

The ancient ritual clothing of the Sakha *tangalai son* people in a broad historical retrospective through the prism of "remembering culture" (according to Ya. Assman), based on a

wide range of folklore, linguistic and ethnographic materials, is examined in the article. For the first time, a detailed historiographic review of works devoted to the ritual clothing of the *tangalai son* was made. The main goal of this study was the reconstruction of archaic elements associated with the historical memory of the ritual. The interpretation of the semantics of the word is proposed. The analysis of the semiotic code of this garment is carried out. It has been established that in this ritual clothing, through a symbolic code, totemistic views associated with the archaic worldview of the people are clearly expressed. Semantic analysis of the name *tangalai son* showed that the Turkic-Mongol peoples had similar ideas associated with the bird cult and originating in ancient totemistic and shamanistic ideas. The image of a white bird / totem was revealed, which found expression in the symbolic design of the *tangalai son*, and the “fur code” was analyzed as an element of the ritual of the symbolic rebirth of the bride.

Key words: Yakuts, ritual clothing; tangalai son; images and symbols; totemism; bird cult; sign function; semantics.

MATERIAL RESOURCES

- Savvin, A. A. (1938). Kult dukha-khozyayki zemli Aan Alakhchyn khotun. 1938 g [The Cult of the spirit-mistress of the earth Aan Alakhchyn khotun. 1938]. In: *Arkhiv YaNTs SO RAN*. F. 4. Op. 12. D. 61. L. 1–27 [Archive of the YANC SB RAS]. (In Russ.).
- Savvin, A. A. (1940). Etnograficheskiye zametki. 1940 g [Ethnographic notes. 1940]. In: *Arkhiv YaNTs SO RAN*. F. 4. Op. 12. D. 39. L. 1–48 [Archive of the YANC SB RAS]. (In Russ.).

REFERENCES

- Ammosova, E. E. (1989). *Remesla predkov vchera i segodnya* [Crafts of ancestors yesterday and today]. Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo. 48 p. (In Russ.).
- Betlingk, O. B. (1990). *O yazyke yakutov* [About the Yakut language]. Novosibirsk: Nauka. 646 p. (In Russ.).
- Billings, I. (1978). O yakutakh: zhurnal, ili podennik, flotskogo kapitana [About the Yakuts: journal, or day-book, of the naval captain]. In: *Etnograficheskiye materialy Severo-Vostochnoy geograficheskoy ekspeditsii 1785—1795 gg* [Ethnographic materials of the North-Eastern geographical expedition of 1785—1795]. Magadan: Knizhnoye izdatelstvo. 176 p. (In Russ.).
- Danilova, N. K. (2013). Odezhda i ukrasheniya [Clothing and jewelry]. In: *Yakuty* [Yakuts]. Moskva: Nauka. 212—235. (In Russ.).
- Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. (1969). Leningrad: Nauka. 676 p. (In Russ.).
- Dugarov, D. S. (1983). Lebed' v ornamente zhenskogo kostyuma tyurko-mongolskikh narodov [Swan in the ornament of womens costume of the Turkic-Mongolian peoples]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 5: 104—113. (In Russ.).
- Dyakonova, V. P. (2001). *Altaytsy: (Materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaya)* [Altaians: (Materials on Ethnography of telengites of the Altai Mountains)]. Gorno-Altaysk: Yuch-Syumer. 223 p. (In Russ.). ISBN 5-92509-0005-7.
- Ides, I., Brams, A. (1967). *Zametki o russkom posolstve v Kitaye (1692—1695 gg.)* [Notes on the Russian Embassy in China (1692—1695)]. Moskva: Nauka. 404 p. (In Russ.).
- Gavrileva, R. S. (1998). *Odezhda naroda sakha kontsa XVII — sereдины XVIII veka* [Clothing of the Sakha people of the late XVII — mid. XVIII century]. Novosibirsk: Nauka. 144 p. (In Russ.).
- Georgi, I. G. (1799). *Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov, ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav,*

- veroisповедaniy i drugikh dostopamyatnostey* [Description of all peoples living in the Russian state, their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, faiths and other memorabilia], II. Sankt-Peterburg. Imperial Academy of Sciences. 178 p. (In Russ.).
- Gogolev, A. I. (2018). *Proiskhozhdeniye naroda sakha i yego traditsionnoy kultury* [Origin of the Sakha people and their traditional culture]. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. 256 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7513-2474-2.
- Gotovtseva, L. M. (2016). Nominatsiya nazvaniy odezhdy, golovnykh uborov i ikh elementov v yakutskom yazyke [Nomination of names of clothing, hats and their elements in the Yakut language]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 6 (3): 83—86. (In Russ.).
- Ivanov, S. A. (2017). *Leksicheskiye osobennosti govorov yakutskogo yazyka* [Lexical features of Yakut dialects]. Novosibirsk: Nauka. 390 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-038692-1.
- Khangalov, M. N. (1958). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 3 (1). Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. 551 p. (In Russ.).
- Khudyakov, I. A. (1969). *Kratkoye opisaniye Verkhoyanskogo okruga* [Brief description of the Verkhoyansk district]. Leningrad: Nauka. 439 p. (In Russ.).
- Kulakovskiy, A. E. (1979). *Nauchnyye trudy* [Scientific works]. Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo. 483 p. (In Russ.).
- Lindenau, Ya. I. (1983). *Opisaniye narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): istoriko-etnograficheskiye materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan: Knizhnoye izdatelstvo. 176 p. (In Russ.).
- Maak, R. K. (1886—1887). *Vilyuyskiy okrug Yakutskoy oblasti* [Vilyuysky district of the Yakut region.], 3. Sankt-Peterburg: Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya. 213 p. (In Russ.).
- Mikhaylov, T. M. (1980). *Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneyshikh vremen po XVIII v.)* [From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the XVIII century)]. Novosibirsk: Nauka. 320 p. (In Russ.).
- Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam Sakha-frantsuzskoy arkheologicheskoy ekspeditsii)* [The World of ancient Yakuts: the experience of interdisciplinary research (based on the materials of the Sakha-French archaeological expedition)]. (2012). Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. 226 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7513-1594-8.
- Nosov, M. M. (1957). Evolyutsionnoye razvitiye yakutskoy odezhdy s kontsa XVII stoletiya do 1920-kh godov [Evolutionary development of Yakut clothing from the end of the XVII century to the 1920s]. In: *Sbornik nauchnykh statey Yakutskogo respubliki. krayevedcheskogo muzeya* [Collection of scientific articles of the Yakut Republic. regional museum], 2. Yakutsk: YaKM. 116—152. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (1955). *Istoriya Yakutii* [History of Yakutia], I. Proshloye Yakutii do prisoedineniya k Russkomu gosudarstvu [The Past of Yakutia before joining the Russian state]. Yakutsk: Yakutgosizdat. 440 p. (In Russ.).
- Pekarskiy, E. K. (1927). *Slovar 'yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language], 10. Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. 26 p. (In Russ.).
- Petrova, S. I. (2006). *Svadebnyy naryad yakutov: traditsii i rekonstruktsiya* [Wedding dress of the Yakuts: traditions and reconstruction]. Novosibirsk: Nauka. 104 p. (In Russ.). ISBN 5-02-031098-0.

- Petrova, S. I., Zabolotskaya, Z. M. (2013). *Narodnyy kostyum yakutov: istoriko-etnograficheskoye i iskusstvedcheskoye issledovaniye* [Folk costume of the Yakuts: historical, ethnographic and art history research]. Novosibirsk: Nauka. 207 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-019062-7.
- Potapov, I. A. (1979). *Pervyye khudozhniki sovetskoj Yakutii* [The First artists of Soviet Yakutia]. Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izdatelstvo. 135 p. (In Russ.).
- Prokopenko, A. N., Yakovleva, K. M. (2016). Ukrasheniya epokhi pozdnego srednevekovyaya Yakutii (po materialam mogilnika At Dabaan) [Jewelry of the late middle ages of Yakutia (based on the materials of the At Dabaan burial ground)]. In: *Drevniye kultury Mongolii, Baykalskoj Sibiri i Severnogo Kitaya. Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Proceedings of the VII International scientific conference]. Krasnoyarsk: Sibirskiy federalnyy universitet. 186—191. (In Russ.).
- Seroshevskiy, V. L. (1993). *Yakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: Experience of ethnographic research]. Moskva: Assotsiatsiya «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya». 736 p. (In Russ.).
- Shchukin, N. S. (1854). Yakuty [Yakuts]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of internal Affairs], VII. Sankt-Peterburg: Tipografiya MVD. 47 p. (In Russ.).
- Sleptsov, P. A. (2017). *Nauchnyye trudy. Publikatsii* [Scientific works. Publications]. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. 332 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7513-2394-4.
- Vasilyev, V. E. (1994). Kult bozhestv ayyy drevneariyskogo proiskhozhdeniya? [The Cult of the deities of Ayyy of ancient Aryan origin?]. In: *Etnos: traditsii i sovremenost': sbornik nauchnykh trudov* [Ethnos: traditions and modernity: collection of scientific papers]. Yakutsk: Izdatelstvo YaNTs SO RAN. 77—85. (In Russ.).
- Vasilyev, F. F. (1995). *Voyennoye delo yakutov* [Military Affairs of Yakuts]. Yakutsk: Bichik. 220 p. (In Russ.).
- Vasilyev, V. E. (2006). *Sakha teryut itegele bylyrgy sehennerge* [Sakha tarut of idagale bilingu seenega]. Dokuuskay: Bichik. 96 p. (In Yakut.). ISBN 5-7696-2480-9.
- Zvereva, A. N. (2008). *Olonkho. Etno-Art: narodnoye i dekorativno-prikladnoye iskusstvo: katalog* [Olonkho. Ethno-Art: folk and decorative arts: catalog]. Yakutsk: CMYK-Master. 101 p. (In Russ.).